

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

ВО ВРЕМЯ осеших гастролей в Риге Валмиерский драматический театр имени Л. Павле показал наряду с новыми постановками и спектакли предыдущих сезонов. Фактически зритель смог ознакомиться с действующим репертуаром театра. Картина получилась весьма пестрой, впечатления от нее противоречивые.

В течение сравнительно длительного периода художественное руководство театра представляет возможность развиваться здесь разным режиссерским индивидуальностям с разными творческими концепциями. И этот принцип при анализе работы коллектива всегда оценивался положительно. Подчеркивалось, что такой подход расширяет диапазон исполнительского мастерства, тем самым обогащая как труппу, так и зрителей. Однако мне кажется, что подчас желаемое выдавалось за действительность.

Привлечение главного режиссера П. Лудиса — сильными, цельными личностями, судьбы которых отражают проблему взаимосвязи человека с землей, с народом, со своим временем. Лудис ставит и так называемые «народные пьесы», которые часто играют под открытым небом и завоевали широкое признание публики.

Одна из последних работ режиссера — инсценировка популярного романа И. Индрана «Песнь медведки», в которой Лудис продолжает анализ социально-исторических проблем, четко выраженный в таких прежних постановках, как «Цирюшки», «Цвета облаков». Новый спектакль рождался в мучительном

предупреждении беспомощной литературы-театральной основой (А. Бронс), во в итоге создано scenicкое произведение, в котором убедительно утверждаются непреходящие этические принципы человека труда.

В этой работе мы сталкиваемся с простым, неуслоненным, но здоровым и внутренне богатым мировосприятием. Его выражает главный герой Донатс Дравинис — яркий образ современного латышской пробы. Бесспорно, глубина трактовки центральной роли — это заслуга П. Лудиса, который сумел «оживить» схему инсценировки.

Вот почему, думаю, когда видим на сцене живого человека, с его заботами и болью, надеждами и разочарованиями, несправедливо говорить о неудаче театра. Хотя, безусловно, многие моменты дают на то основания. Можно отметить, что явно развивается драматическое действие, у многих сцен нет ни начала, ни конца, поверженности безмолвности взаимоотношений персонажей, невзрачно оформленные. И все же есть в спектакле герой, вернее, дуэт героев, которому дарим свое внимание и сопереживание, который побуждает нас к размышлению.

Донатс и его жеву Бету играет У. Кошкиня и Р. Виргере. Актеры воплощают образы типичных латышских крестьян, точно выстраивая их психологию, до конца убеждая нас в достоверности своих персонажей. (Эти роли исполняют также Я. Самуэлис и Н. Леймане). Внешне суровый герой Кошкиня обладает нежным сердцем, ему свойственна красота чувств. Виргере —

Только верная любовь и верность. Оба они — душой богатые люди — на закате своей жизни мечтают о душевной близости с последующими поколениями, желая в них видеть продолжение нравственных народных традиций. Спектакль дает им я нам эту надежду, ибо и во вступе Донатс мы чувствуем любовь к земле, к труду, Устремления главных героев

лишь averяла в страдания другого. Обретая счастье, герой терпит гармонию со своей совестью, со своей душой. Как преодолеть это жестокое противоречие реальности? — таков главный вопрос спектакля.

И в драме Р. Тагора «Читра» та же тема поиска гармонии, которая здесь, правда, идентична понятию личного счастья. Древняя

ем, который особенно проявляется в кульминационных эпизодах, когда перед нами обе Читры одновременно. Сценическое действие становится метафоричным, открывая зрителю философский смысл наивной и простой индийской сказки.

И в работе над современной драматургией Кимеле детально анализируем психологическую жизнь героев,

проблемы остались невыявленными, нерешенными.

Третье направление в искусстве валмиерцев определяет позиция режиссера В. Маулевича. Его театр агрессивен, звучен, оя, так сказать, атакует зрителя. В постановках чувствуется твердая рука режиссера. И нередко В. Маулевича упрекали за то, что «сочиняя» спектакль, он мало

В современном театре драматургия Чехова переживает различные интерпретации. Опыт показывает, что и в «Вишневый сад» свержит в себе возможность поиска самых разнообразных трактовок. В этом убедил нас, например, созданный несколько лет назад спектакль А. Каца в Рижском театре русской драмы. Однако за яркими внешними приемами, найденными здесь режиссером, по ходу действия открывалась противоречивая картина жизни героев Чехова, философский смысл пьесы.

А спектакль В. Маулевича огулывающий нас истеричной яркостью, обескураживает в итоге своей однозначностью. Постановка выстроена так, что каждый образ в ней предстал всего лишь голым тезисом, все — словно бы готовое к использованию, смысл которого расшифровывешь очень быстро, и дальнейшее становится просто неинтересным. Раневская — легкомысленная дамочка, Гаев — пузостов, Трифимов — инфантильный мальчик (говору это без управы в адрес авторов).

Обозначая смысл жизни героев, режиссер использует приемы театра абсурда. Например, Гаев (Я. Зариньш) с того, ни с сего залетает в шкаф. И без аргументов психологической логики такой вот «фортель» остается всего лишь ненужным, дешевым трюком.

Упрощенные задания для актеров привели к тому, что каждый исполнитель демонстрирует свой тезис. При этом рождение образа, анализ живущих противоречивых отношений героев исключены.

В результате спектакль подобен колесу вертящемуся на месте. Подчас даже возникают сомнения в художественной ценности литературного материала. Фантастический парадокс!

К тому же хочу отметить, что слышим небрежно отнеслись здесь и человеческому слову. В программе не указан автор перевода пьесы. Но, судя по диалогам, использован перевод А. Бауги из собраний сочинений А. Чехова. Вдобавок, по мнению театра, улушненный, а эти «улушнения» просто безграмотны. В спектакле «Вишневый сад» звучит грамматически неверная, величественная латышская речь. Но ведь функция театра — оберегать культуру, в том числе языковую, — пока не упрядили.

Итак, мы просмотрели спектакли трех ведущих режиссеров Валмиерского драматического театра имени Л. Павле. Все постановки созданы, так сказать, под одной крышей. Однако говорить о единой художественной платформе, определяющей творческое лицо коллектива, не приходится. Причем нет оснований предвзвешивать претензии и репертуару. Он достаточно разнообразен, включает многие классические произведения, отражает и актуальные проблемы современности. И поэтому, очевидно, не содержание, а именно его художественное воплощение привело к тому, что искусство театра выявляет собой совокупность разных творческих путей, каждый из которых вводит в свою сторону. Явное многоголосие пока не очень редуцет слитностью своего звучания. Г. САУЛИТЕ.

Театр: искусство и время

МНОГО ОБРАЗИЕ ИЛИ РАЗНОРЕЧИЕ?

близки и понятны зрителям, вот почему спектакль, несмотря на художественное несовершенство, завоевал признание.

Творчество другого режиссера этого театра М. Кимеле тяготеет к философскому постижению жизни. Прежде всего ее интересует вопрос духовной гармонии человека с самим собой, с окружающим миром. Наверное поэтому в спектаклях Кимеле главное внимание уделяется именно психологическому содержанию образов.

Так, в постановке «Вей, ветерок» Я. Райниса даже конфликт определяется противоборством страстей героев. Режиссер тонко подмечает трагический парадокс в судьбах и Байбис (Э. Эрмале) и Улдиса (А. Вильма), и Гатяня (Н. Эрглис). Все они жаждут идеала человеческого взаимоотношения — любви. Но достичь этого идеала каждый может, только

индийская легенда о любви поставлена с бережным вниманием к национальному колориту М. Кимеле удалось найти точную поэтическую образность спектакля, чему во многом способствует продуманность пластики и оформления (художник И. Влумберг).

При этом яркие средства выразительности умело подчинены смысловому содержанию драмы. Режиссер создал ансамбль исполнителей, который радуется нас слитностью своеобразного стиля игры с тонким выражением душевных процессов. Особенно впечатляет сложный пластичный и психологический рисунок роли Мадана (Н. Эрглис) и Васанта (Я. Ионансон).

Главный женский образ воплощает сразу две актрисы: И. Рамуте (Читра-дурнушка) и Р. Витяля (Читра, одаренная красотой). Это интересный режиссерский при-

стремляясь через нее выразить социальную подоплеку событий и поступков. Именно так протыгивается ее амальсел в постановке новой пьесы В. Раоова «У моря». Однако, углубившись в переживания центрального персонажа — семнадцатилетнего юности Алексея, режиссер не сумела вынести спектакль и социально-нравственным общением, заложенным в драматургическом материале.

Да, Н. Эрглис очень хорошо играет Алексея, в муках и унижениях мучающегося после скандальной истории с его высокопоставленным отцом. Но нравственные переживания молодого человека трактуются как страдания одиночки. Все остальные герои создают лишь фон картины борьбы Алексея с самим собой. Такая расстановка акцентов не убеждает, и очень многие социальные и моральные

считается за литературным материалом, а авторской поэзией.

Такая расстановка акцентов не убеждает, и очень многие социальные и моральные

стремляясь через нее выразить социальную подоплеку событий и поступков. Именно так протыгивается ее амальсел в постановке новой пьесы В. Раоова «У моря». Однако, углубившись в переживания центрального персонажа — семнадцатилетнего юности Алексея, режиссер не сумела вынести спектакль и социально-нравственным общением, заложенным в драматургическом материале.

Да, Н. Эрглис очень хорошо играет Алексея, в муках и унижениях мучающегося после скандальной истории с его высокопоставленным отцом. Но нравственные переживания молодого человека трактуются как страдания одиночки. Все остальные герои создают лишь фон картины борьбы Алексея с самим собой. Такая расстановка акцентов не убеждает, и очень многие социальные и моральные